

А. Н. Токарев

Augustus и Σεβαστός: о семантике терминов

После того как Октавиан объявил о сложении своих триумвирских полномочий, он получил много различных почестей, среди которых почетное прозвище Augustus (греч. Σεβαστός), которое с I в. н. э. вошло в состав официального имени римского императора и сыграло определенную роль в формировании идеологии эпохи раннего принципата.

К наиболее важным источникам, раскрывающим значение обоих терминов, относятся свидетельства Энния, Цицерона, Вергилия, Ливия, Овидия, Светония, Аппиана, Флора, Сервия, Диона Кассия, Павла Дьякона. Кроме того, интересную информацию дают данные римских монет и надписей.

В историографии достаточно большое внимание уделяется изучению как этимологии [1, S. 269–272; 2, p. 123; 3, S. 54–56; 4, S. 860–865; 5, S. 435–436; 6, S. 187; 7, Sp. 2313–2314; 8, p. 234–238; 9, p. 138; 10, p. 84; 11, p. 34–39; 12, p. 149–150; 13, S. 348–366], так и семантики [9, p. 138–139; 10, p. 84–105; 14, S. 128; 15, S. 9–39; 16, S. 207–213; 17, p. 158–161; 18, с. 383–384; 19, S. 535; 20, с. 33–34; 21, с. 179–180; 22, S. 249–250; 23, p. 257; 24, Sp. 2370–2372] лат. термина *augustus*, между тем как семантика его греч. аналога Σεβαστός фактически не изучена (мы можем указать только [25, p. 120–121; 26, p. 1587; 27, p. 147–148]). Вовсе не предпринималось попыток, по нашим сведениям, сравнительной характеристики семантических значений лат. термина *augustus* и греч. Σεβαστός, что и станет целью данной статьи.

С нашей точки зрения, сравнение этих терминов позволит более точно раскрыть значение каждого из них, показать изменение их семантики в эпоху раннего принципата, когда оба термина входят в состав имени римского императора, что, в свою очередь, даст возможность раскрыть особенности политики Августа в области идеологии, направленной на обоснование исключительного положения императора в государстве.

Augustus

Этимология латинского прилагательного *augustus* до сих пор остается спорной и не вполне ясной, хотя среди ученых преобладает мнение о связи *augustus* с лат. глаголом *augeo*. Здесь намечилось два пути разрешения проблемы. Одни исследователи полагают, что это отглагольное прилагательное, образованное от глагола *augeo* «увеличивать», «умножать» [1, S. 269–272; 2, p. 123; 3, S. 54–55; 28, с. 91–92], другие — что и *augustus*, и *augeo* имеют один общий источник, гипотетически восстанавливаемый как **augus*, и тогда *augustus* — отыменное образование от существительного среднего рода **augus, -eris* «расширение» [4, S. 865; 5, S. 435; 6, S. 187; 29, p. 110]. Между тем, уже в древности делались попытки этимологически связать *augustus* с *augur* (авгур). Первую попытку обнаружить такую связь можно найти у Светония, который предлагает несколько версий происхождения этого слова. Согласно одной из них, *augustus* и *augur* имеют общий корень *avi* от *avis* (птица): **avi-gur*, **avi-gus-tu-s* (Suet. Div. Aug., 7). Однако изыскания в области этимологии латинских слов показали, что такая трактовка

абсолютно неверна [7, Sp. 2313–2314]. С другой стороны, А. Циммерман, опираясь на свидетельства Энния и Овидия, впервые предложил другое объяснение этимологической связи между *augustus* и *augur*. Он не соглашается с трактовкой *augur* от *avis* [см.: 3, S. 54–55; 4, S. 860; 7, Sp. 2313–2314; 28, с. 91–92] и считает, что это слово, так же как и *augustus*, произошло от **augus* (**augus* > gen. **augeris* > **auger* > *augur*) [5, S. 435]. В дальнейшем эту теорию разрабатывал А. Эрну [10, р. 234–238], ее сторонниками были Ж. Гаже, К. Скотт [9, р. 138–139; 10, р. 84]. Сейчас эта точка зрения почти общепризнана, хотя против такой трактовки имеются довольно веские возражения [30, р. 209–210].

Вопрос о семантике *augustus* еще более сложен. В общих и специальных работах никогда не ставился вопрос об эволюции и метаморфозах значений этого слова на протяжении различных эпох: для его объяснения берутся примеры из разных периодов римской истории [см. напр.: 31, Sp. 1379–1419]. С нашей точки зрения, такая эволюция имела место. В известных нам памятниках латинского языка слово *augustus* впервые встречается в знаменитом стихе Энния (239–169 гг. до н. э.): «*augusto augurio postquam inclita condita Roma est*» («прославленный Рим был основан после священного гадания») (Enn. 501–502 ed. Vahlen) (перевод наш — А. Т.). Однако свидетельства Вергилия и Сервия показывают, что прилагательное *augustus*, вероятно, существовало уже в царский период римской истории. Вергилий, пересказывая легендарные предания о прибытии Энея в Италию, несколько раз называет царскую резиденцию (*regia*) лаврентийских царей *augusta*. Кроме того, Сервий упоминает, что такой же эпитет имела и *regia* Нумы Помпилия (Serv. In Aen. VII, 153). В первый раз Вергилий называет царский дворец *moenia augusta regis* (Verg. Aen. VII, 153), во второй — *tectum augustum ingens* (Verg. Aen. VII, 170). Сервий, комментируя эти места Энеиды, особо подчеркивает, что *moenia augusta regis* полностью соответствует *tectum augustum ingens* (Serv. In Aen. VII, 153). Комментатор Вергилия ясно указывает, что царский дворец назван *augustus*, потому что он относится к *loci augurio consecrati* (об этом см. ниже) (Serv. In Aen. VII, 153; XI, 235; Serv. In Georg. IV, 228), т. е. в представлении древних римлян царский дворец являлся храмом (Verg. Aen. VII, 173–174; Serv. In Aen. XI, 235) [ср., напр.: 32, р. 23; 33, р. 27]. Другой анонимный комментатор Вергилия отмечает, что даже формой царский дворец напоминал храм (Vatic. a Bartolio, р. 134). Таким образом, резиденция латинских и римских царей являлась священным зданием, которое было освящено авгурием, и поэтому, вне всяких сомнений, могло называться *augustus*.

Свидетельства античных авторов показывают, что прилагательное *augustus* относилось не только к местожительству царя, но и к самой его персоне, что, впрочем, и не удивительно, ведь особа царя считалась священной [34, S. 133; 35, р. 44 ff]. Ливий говорит, что когда Ромул принял царские insignia, т. е. стал царем, он стал *augustior* (Liv. I, 8) [ср.: 15, S. 11: «...что касается Ромула, он не показывается ни у Ливия, ни у других латинских авторов, таким образом, как будто бы он сам мог произвести впечатление *augustior humano*. Чтобы стать им, он должен был принять *insignia imperii*», т. е., по сути, стать царем]. Хотя Флор сообщает о том, что Ромул «...*augustiore forma fuisset*...» только после смерти (Flor. I, 1), Манилий подтверждает свидетельство Ливия, называя всех (римских!) царей *augusti* (Manilius Astronom. I, 8).

Однако к свидетельствам античных авторов о существовании слова *augustus* в царскую эпоху следует относиться *cum grano salis*. Дело в том, что все источники довольно поздние и созданы уже после 27 г. до н. э., когда Октавиан принял свое новое имя, и иногда римские авторы, употребляя слово *augustus*, хотели намекнуть на имя первого римского императора. К примеру, одно место у Вергилия (Verg. Aen. VII, 170–182) вызвало вполне однозначные толкования у его античных комментаторов.

Помпонию прямо говорит, что в этом месте «он [Вергилий] описал храм Аполлона, построенный на Палатине Августом» (Pompon. Sab. In Aen. VII, 170) (перевод наш — А. Т.). Сервий, напротив, не сомневается, что здесь великий римский поэт описал палатинский

дворец Августа: «Tectum augustum ingens domum, quam in Palatio diximus ab Augusto factam, per transitum laudat: quam quasi in Laurolavinio vult fuisse» («священный дворец, огромный — это дом, который, как говорят, был построен Августом на Палатине, он хвалит по ходу изложения: он хочет сделать его похожим на дворец в Лавинии») (Serv. In Aen. VII, 170) (перевод наш — А. Т.), и еще «потому что... Вергилий переместил [палатинский] дворец во времена Латина» (Serv. In Aen. XI, 235) (перевод наш — А. Т.) [ср.: 36, р. 166]. Намек на дворец Августа можно увидеть в еще одном комментарии Сервия: «ariete caeso — это жертвоприношение [упоминаемое Вергилием], которое совершалось в праздничные дни у дверей императорского дворца» (Serv. In Aen. VII, 175) (перевод наш — А. Т.).

В подтверждение данных Сервия можно привести свидетельство Тацита: «...Гортал¹, ...в то время сенат заседал во дворце, попеременно смотря то на статую Гортензия, расположенную среди [изображений] ораторов, то на [статую] Августа...» (Tac. Ann. II, 37) (перевод наш — А. Т.), — ср. у Вергилия: «Дедов царственных здесь изваянья из кедра стояли... Были в преддверье дворца, и властителей образы древних» (Verg. Aen. VII, 177, 181) (перевод С. А. Ошерова). Стоит также отметить, что начало процитированного нами фрагмента Вергилия было заимствовано в переделанном виде римским поэтом Стацием для описания дворца Домициана: «Tectum augustum, ingens, non centum insigne columnis, /sed quantae superos caelumque Atlante remisso/sustentare queant» («Огромный священный дворец без ста величавых колонн, но с такими, что могут и верхнее небо держать вместо Атланта») (Stat. Silv. II, 18–20) (перевод наш — А. Т.), — ср. у Вергилия: «Tectum augustum, ingens, centum sublime columnis/urbe fuit summa, Laurentis regia Pici» («В городе был на вершине холма чертог величавый/с множеством гордых колонн — дворец лаврентского Пика») (Verg. Aen. VII, 170–171) (перевод С. А. Ошерова). Таким образом, здесь вряд ли можно сомневаться, что этот пассаж был создан Вергилием в угоду первому римскому императору.

Но все же, с определенной долей осторожности, можно полагать, что в царский период римской истории прилагательное *augustus* было тесно связано как с личностью самого царя, так и с его резиденцией, которая считалась священной.

От эпохи республики до нас дошло 16 аутентичных памятников, где содержится слово *augustus* (Enn. 501–502 ed. Vahlen; Acc. Trag. 510; Cic. De domo sua, 137; De harusp. resp. 12; Pro Milo. XVI, 43; In Verr. II, 5, 186; Tusc. disput. V, 12, 36; De leg. II, 35; Brut. 83, 295; De nat. deorum. I, 119, II, 62, 79, III, 53; Frag. de philosoph. IX, Fr. 11; SIL, V № 4087). Однако М. Г. Абрамзон полагает, что Октавиан еще до 27 г. до н. э. назван *augustus* на одном из денариев [37, с. 326]. Ученый ссылается на монеты, которые чеканились Луцием Пинарием Скарпом на протяжении 29–28 гг. до н. э. в провинции Киренаика. Мнения нумизматов по этому вопросу разделились. Э. Бабелон и Г. Грюбер считают, что эту монету следует датировать 27 г. до н. э., то есть временем после принятия Октавианом титула *augustus*, и таким образом увеличивают срок наместничества Л. Пинария в Кирене на один год [38, р. 307; 39, р. 586]. Напротив, Х. Мэттингли отмечает, что «этот денарий... с легендой AUGUSTUS DIVI F может быть отброшен как фальшивый или, в лучшем случае, как гибридный (mule)» [40, р. 111]. Действительно, складывается впечатление, что эта монета состоит из двух типов разных эмиссий. Аверс денария принадлежит африканской чеканке Л. Пинария, а реверс — более поздней чеканке. Расположение легенды на реверсе имеет отличия по сравнению с надписями на других монетах Л. Пинария: в формуле AUGUSTUS DIVI F. *augustus* развернуто на 180°, тогда как на других монетах Скарпа отдельные надписи на реверсе параллельны друг другу. И самое главное, что сама легенда AUGUSTUS DIVI F.

¹ Марк Гортензий Гортал — сенатор в эпоху Тиберия, внук знаменитого оратора Квинта Гортензия Гортала.

принадлежит к более позднему времени, так как первоначально, в 27 г. до н. э., на монетах появляется легенда AUGUSTUS. Таким образом, есть все основания считать эту монету фальшивой или поддельной.

Для трактовки вышеперечисленных 16 памятников республиканской эпохи, с нашей точки зрения, очень удачна характеристика *augustus* в TLL [31, Sp. 1379–1381]. Здесь основное значение этого слова объясняется как «*quod religionem sanctitatemque aut natura possidet aut consecratione accepit*» («то, что от природы или посредством консекрации свято и священно»), и что относится к 1) *templa, tecta, loca* и т. д., 2) *sacra et quae in iis observantur* (к священнодействиям и к тому, что во время их проведения почитается), 3) *res in quibus numen vel aliquid divini inest quaeque in caerimoniis adhibentur* (к вещам, в которых нумен или нечто божественное заключено и которые используются в культовых церемониях), 4) *de dis ipsis* (к самим богам) и 5) *homines* (к людям). То есть прилагательное *augustus* в эпоху республики употреблялось только с ограниченным набором терминов, принадлежащих к сфере национальной религии. Ко второй и третьей группе комментарии излишни. Стоит только отметить, что их вполне можно объединить, так как характеристика третьей группы, согласно которой вещь является *augustus* только в том случае, если заключает в себе нечто божественное, то есть тем или иным образом соприкасается с миром богов, относится и ко второй группе; впрочем, эта характеристика верна и для первой группы.

Четвертую (*de dis ipsis*) и пятую (*homines*) группу мы охарактеризуем ниже, а сейчас обратимся к первой (*templa, tecta, loca* и т. д.) группе документов в TLL. К ней, с нашей точки зрения, следует сделать несколько пояснений. Место (*locus*) может быть священным (*sanctus vel sacrus*), но не всегда *augustus*. *Augustus* оно становится только после того, как «*fruit augurio consecratum*», то есть освящено авгурием (Suet. Div. Aug. 7; Serv. In Aen. VII, 153; Serv. In Georg. IV, 228). Этот процесс заключался в том, что авгур с помощью некоторых сакральных действий и произнесения торжественной формулы ограничивал и отделял от остальной части земли место, всегда предназначавшееся для религиозных действий, которое затем подвергалось консекрации понтификами (Serv. In Aen. I, 446). В результате этих действий освященное место как бы становилось ближе к богам, другими словами *locus augustus* — это наиболее приближенное к богам место, где встречалось человеческое и божественное (см.: Cic. In Cat. II, 29: *...qui [dii immortalii]... hic praesentes suo numine atque auxilio sua templa... defendunt*. (бессмертные боги... присутствуя здесь своим нуменом и помощью защищают свои храмы) (перевод наш — А. Т.)). Разумеется, что *locus augustus* соответствует понятию *templum*. Таким образом, *locus augustus* — это, в первую очередь, римский храм и, следовательно, любой *templum, delubrum, aedes* и т. д. является *augustus* (см., напр. Cic. Frag. de philosoph. IX, Fr. 11: *...augustissima delubra veneremur...*; Ovid. Fasti, I, 609–610: *augusta vocantur templa...*). Поэтому многозначные римские слова *aedes, tectum, moenia*, которые можно перевести и как здание, и как жилище, и как дворец, в случае совместного употребления с *augustus* всегда означают храм, святилище.

Теперь обратимся к последним двум группам документов в TLL (*dii* и *homini*). В указанных выше 16 документах римской письменности эпохи республики прилагательное *augustus* ни разу не относится к человеку или божественному созданию [ср.: 16, S. 207], за исключением надписи CIL, V, № 4087 = Degrassi, № 200: «[A]VG(ustis) LARIBVS D(onum) D(edit)...» («величественным Ларам дано в дар...»; 59 г. до н. э.), которую некоторые исследователи считают либо ошибочной, либо поддельной [15, S. 16; 24, S. 208] в связи с тем, что подобные надписи стали появляться только со времени реформы культа *lares compitales* императором Августом. Это довольно удивительно, ведь в эпоху ранней империи это слово относительно часто характеризует либо человека, либо божество.

С нашей точки зрения, чтобы объяснить такое противоречие и вместе с тем более точно определить семантическое значение слова *augustus* в ранние периоды римской истории, следует подробнее остановиться на триаде *divinus-augustus-humanus*. Дело

в том, что для римлян вообще характерно полное противопоставление *divinus* и *humanus*, то есть божественного и человеческого (например, у Ливия только в первой декаде 36 раз встречаются парные устойчивые словосочетания *divinus-humanus* и *deus-homo*). Таким образом, перед нами встает дилемма, с каким из миров, божественным или человеческим, можно соотнести *augustus*. Свидетельство Овидия (*Ovid. Fasti*, I, 607–608; см., также: *Liv.* I, 7; V, 41; VIII, 6, 9; *Ovid. Trist.* I, 1, 71; *Val. Max.* I, 8) ясно показывает, что *augustus* противопоставит *humanus* [*ср.*: 15, S. 10–11; 17, p. 159; 18, с. 384]. С другой стороны, как мы указали выше, от эпохи республики до нас дошла лишь одна надпись, где *augustus* относится к божественным созданиям. Однако и изучение источников эпохи раннего принцепата показывает, что слово *augustus* во времена республики никогда не относилось к богам, а использовалось только для характеристики того, что связано с ними. Х. Эркель [15, S. 9–18], изучивший свидетельства Ливия (*Liv.* I, 7, 8, VIII, 6, 9), Овидия (*Ovid. Met.* VI, 72, IX, 270), Валерия Максима (*Val. Max.* I, 8, 8, VIII, 11, ext. 5), Флора (*Flor.* I, 1), Стация (*Stat. Theb.* X, 757), Светония (*Suet. Nero*, 1), пришел к обоснованному выводу, согласно которому прилагательное *augustus* применялось для характеристики не людей или богов, а существ, стоящих вне человеческого мира, но в то же время и не являющихся настоящими богами. Это герои, души мертвых, лары, *devoti*, призраки. Исходя из таких предположений, надпись *CIL*, V, № 4087 вполне можно считать аутентичной. Что касается уникальности такой надписи, то Е. М. Штаерман не без оснований считала, что «ее уникальность обусловлена скудостью эпиграфического материала, что, в первую очередь, относится к надписям частных лиц» [41, с. 169]. Из этого становится ясным, что в эпоху республики термин *augustus* не относился к людям и богам, а только к божественным созданиям, стоящим рангом ниже «настоящих» богов. Поэтому четвертую (*dii*) и пятую (*homini*) группы из TLL, без сомнения, следует полностью отнести к эпохе империи.

Таким образом, в эпоху республики *augustus* был достаточно специфическим термином, относящимся к сфере культа и религии. Его отличительной чертой является то, что напрямую не употреблявшийся как эпитет богов (это слово было эпитетом *semidii*, который как бы подчеркивал их нечеловеческую природу — *augustior humano*, когда настоящая сущность бога выявлялась посредством человеческого образа, то есть они были связующим звеном между двумя мирами [15, S. 11; 16, S. 208]), он характеризовал вещи и понятия, тесно связанные с богами. *Augustus* было связано с понятиями, вещами, находящимися как бы на граничной территории человеческого мира и божественного, при постоянном условии, что божество присутствовало рядом или находилось внутри.

Также следует сделать акцент на том, что это слово употреблялось только в рамках «национальной» римской религии и ни в коей мере не относилось к *sacra* других народов (*ср.* *Ovid. Fasti*, I, 612: [*augustus est*] *quodcumque sua Iuppiter auget ore* (*augustus* является то, что Юпитер умножает своей силой (властью, могуществом)) (перевод автора — А. Т.)). Это в полной мере проявляется на примере римского *templum*. Храм есть наиболее приближенное место к миру богов, место встречи людей и богов. Божество всегда присутствует в храме в виде своего нумена и этим освящает его. Здесь ярко проявляется этимологическая связь *augustus* с *augeo* (увеличивать, умножать), ибо своим присутствием божество «увеличивает», «умножает», «расширяет», «возвеличивает» святость этого места. И очень точно соответствует такому пониманию *augustus* в эпоху республики его перевод «умноженный божеством», «возвеличенный божеством», «величественный», предложенный некоторыми исследователями [6, S. 187; 18, с. 384 со ссылкой на С. И. Протасову; 19, S. 535].

Однако к концу республики ситуация начинает меняться. Изучение литературного наследия Цицерона показывает, что к концу I в. до н. э. сакральное звучание слова *augustus* ослабеваet. Хотя *augustus* означало более высокую степень святости, чем *sacustus*, Цицерон постоянно использует эти слова как равнозначные синонимы, то есть в значении «священный» (*Cic. De harusp. resp.* 12; *In Verr.* II, 5, 186; *Tusc. disput.* V, 12.

36; De nat. deorum. I, 119, II, 62, 79, III, 53) [ср.: 2, р. 123]². Но в эту эпоху *augustus* употреблялось в еще более ослабленном значении: его синонимами становятся слова *magnificus*, *admirabilis* [ср.: 31, Sp. 1381]. Примеры этому также можно найти у Цицерона (Cic. Brut. 295). Х. Эркель даже полагает, что частое и особенное употребление слова *augustus* было использовано Титом Ливием в первой декаде своего труда, которую он начал писать в 27 г. до н. э. для того, чтобы «предотвратить его [*augustus*] понимание в ослабленном значении» [15, S. 20].

Прежде чем перейти к рассмотрению вопроса о значении *augustus* в эпоху правления императора Августа, следует остановиться на двух моментах, а именно: на проблеме выбора имени для бывшего триумвира и на механизмах вручения этого имени. Это связано с тем, что, во-первых, данные вопросы достаточно однобоко трактуются в современной историографии, а во-вторых, их интерпретация позволит глубже понять метаморфозы семантики *augustus* в эпоху императора Августа.

Обратимся к проблеме выбора имени. В историографии утвердилась точка зрения, основанная на указании Диона Кассия (Dio Cass. LIII, 16), согласно которому в сенате Октавиану предлагали различные имена, но сам император очень хотел именоваться Ромулом, однако, опасаясь того, что такое имя может вызвать ассоциации с римскими царями и его будут подозревать в стремлении к царской власти, он принял имя *Augustus*, посредством которого ассоциировался с первым царем Рима. Такая точка зрения разделяется многими исследователями, которые расходятся только в определении мотивов отклонения имени *Romulus* [см., напр.: 9, р. 138–139; 18, с. 383–384; 19, S. 534–535; 20, с. 33–34; 21, с. 179–180; 35, р. 158–160; 42, р. 313–314; 43, S. 337–340], но она не лишена некоторых недостатков и противоречий [15, S. 36–38]. Довольно оригинальную гипотезу выдвинул Ф. Хаверфилд, который объясняет выбор имени *Augustus* следующим образом: «Монеты Марка Антония, особенно его серебряные денарии, которые, вероятно, были выпущены в большом количестве незадолго до битвы при Акции, очень часто имеют легенду AN T AUG III VIR R P C (Antonius augur triumvir rei publicae constituendo). Здесь AUG, конечно, сокращение от *augur*. Но это также очевидное сокращение от *augustus* (оно имеется уже в *Monumentum Ancusranum*, то есть ранее 13 г. до н. э.). Поскольку эти серебряные денарии Антония, вероятно, свободно распространялись в римском мире приблизительно до 28 г. до н. э., это могло бы быть хорошим поводом для принятия имени *Augustus*» [22, р. 249–250]. Но и эта гипотеза не выдерживает критики [15, S. 35]. Пересекается с двумя вышеназванными версиями предположение, согласно которому выбор имени *Augustus* был обусловлен его тесной связью с авгуром. И Октавиан, таким образом, рассматривался как «*optimus augur*» эпитет который прямо намекал на Ромула, первого авгура в истории Рима [9, р. 138–139; 10, р. 84–105; 14, S. 128; 40, р. 113].

С нашей точки зрения, более предпочтительно мнение Х. Эркеля, который, критикуя перечисленные теории, считает, что «причина выбора имени *Augustus* лежала в обычном (скорее, в специфическом — А. Т.) значении этого слова. Именно то обстоятельство, что слово *augustus* в определенных, более или менее широких, границах имело переменное

² А. Р. Тейлор считает, что *augustus* было синонимом прилагательных *sanctus* и *divinus*, но «гораздо менее банальным (*much less hackneyed*), чем эти два слова» (!?) [35, р. 160]. К. Скотт и В. Эренберг высказываются более осторожно: «Слово *augustus* часто употреблялось до некоторой степени как синоним *sanctus* и *religiosus*» (The word *augustus*, ..., had often been used, ... as more or less of a synonym for *sanctus* and *religiosus*) [10, р. 84], «Таким бразом, оно почти идентично *sanctus* или *religiosus*» (So ist es nahezu identisch mit *sanctus* oder *religiosus*) [16, S. 208]. В принципе говорить о синонимичности *augustus* и *sanctus* можно, но только в широком смысле, так как оба слова выражают идею святости, божественности. Однако равнозначными синонимами они не были, так как различие значений, которые эти слова выражали, было достаточно большим.

значение, делало возможным использовать это слово до некоторой степени в новом значении. Таким образом, значение *augustus* было так определено, что никто не сомневался в том, что носитель этого имени считался священным, стоящим над миром людей; одновременно имя было так неопределенно, что его носитель не идентифицировался с тем, что уже существовало. Октавиан не стал ни *divus*, ни героем, ни *devotus*, но считался родственным им» [15, S. 38]. К этому можно добавить несколько собственных соображений.

Вряд ли можно согласиться с тем, что именно «благодарные» сенаторы обсуждали, какое имя даровать бывшему триумвиру. Скорее всего, принятие нового имени было санкционировано самим Октавианом и его ближайшим окружением, и среди этого окружения, по-видимому, существовала жаркая полемика в вопросе о выборе имени. На этот момент мало кто из историков обращает внимание. Такому предположению не противоречит официальная версия событий, изложенная в *Res Gestae*, где сообщается, что 16 января 27 г. до н. э. особым сенатусконсультом Октавиану было даровано имя *Augustus* за особые заслуги перед государством (RGDA, 34; Liv. Per. 134). Здесь говорится только лишь о специальном сенатусконсульте. Светоний сообщает, что «позже он принял... когномен Август... согласно мнению Мунация Планка, в то время как некоторые полагали, что ему следует называться Ромулом, наподобие самого основателя города, однако перевес получило [мнение], что лучше его назвать Августом, не только новым, но также и более возвышенным именем» (перевод наш — А. Т.) (Suet. Div. Aug. 7). Из этого сообщения видно, что имя Ромула именно предлагали Октавиану, а не сам он его желал. Кроме того, слова «перевес получило [мнение]» (*praevaluisset*) говорят о том, что решение принималось коллегиально, но Светоний нигде не упоминает о том, что обсуждение происходило в сенате. Хотя Флор многие реалии II в. н. э. переносит в эпоху Августа, он также не говорит о том, что сам Октавиан желал называться Ромулом, только «решение сената» о даровании имени он заменяет «обсуждением в сенате»: «даже обсуждалось в сенате, не назвать ли его Ромулом, потому что он основал империю; но более священным и более почтенным показалось имя Август...» (перевод наш — А. Т.) (Флор. II, 34). Дион Кассий единственный, кто говорит о том, что Октавиан сам хотел называться Ромулом: «когда Цезарь на деле исполнил обещание, то сенат и народ дали ему имя Августа. В то время, когда они пожелали назвать его как-нибудь особенно, причем одни предлагали то, а другие иное имя, Цезарь чрезвычайно хотел именоваться Ромулом, но, поняв, что из-за этого его подозревают в стремлении к царской власти, не присвоил себе этого имени; так что ему дали прозвище Августа, как намекающее на нечто сверхчеловеческое» (перевод Н. Н. Трухиной) (Dio Cass. LIII, 16). Однако К. Гатти считает сообщение Диона Кассия о том, что Октавиан сам хотел именоваться Ромулом, ошибочным и приводит, в общем, убедительные доводы в пользу этого [23, p. 257, *ср.*: 15, S. 36–38]. Между тем, Дион Кассий также не говорит, что именно в сенате обсуждалось решение о выборе имени. Он только лишь указывает, что «сенат и народ дали ему имя Августа» и что «одни предлагали то, а другие иное имя». Таким образом, согласно Светонию, Флору и Диону Кассию, Октавиану предлагали два имени: *Romulus* и *Augustus*. Между тем, Сервий сохранил указание на то, что среди новых прозвищ фигурировало имя *Quirinus* (Serv. In Aen. I, 292; Serv. In Georg. III, 27; *см., так же* Ioan. Lyd. De mens. IV, 111) [*см.*: 16, S. 208; 43, S. 338–339]. Следовательно, можно предположить такой ход событий. Выбор нового имени обсуждался среди ближайшего окружения Октавиана. Видимо, было предложено несколько вариантов «одни предлагали то, а другие иное имя». Нам известно 3 варианта: *Romulus*, *Quirinus* и *Augustus*. После того как выбрали последнее, Мунаций Планк в сенате предложил это имя, за которое сенаторы и проголосовали.

Теперь следует остановиться на вопросе, каким образом произошло вручение этого имени Октавиану. В *Res Gestae* говорится об особом сенатусконсульте [RGDA, 34]. Дион Кассий и Веллей Патеркул указывают, что состоялось не только решение сената, но и постановление народного собрания (Dio Cass. LIII. 16; Vell. Pat. II, 91; *ср.*: Censorin.

XXI, 8). Между тем, Иоанн Лидийский упоминает и о решении коллегии понтификов по этому поводу: «ψήφῳ δὲ κοινῇ τῶν ἀρχιερέων καὶ τῆς βουλῆς Αὐγουστος ἐπεκλήθη» (решением совместно понтификов и сената [он] был назван Августом) (Ioan. Lyd. De mens. IV, 111) (перевод наш — А. Т.). На первый взгляд, это свидетельство вызывает удивление. И многие исследователи отбрасывают его как недостоверное [16, S. 208]. По нашему мнению, оно является аутентичным и заслуживает особого внимания. Следует вспомнить, что вещь становилась *augustus* только после обряда *consecratio*, проводимого понтификами, человек же становился *augustus* только после обряда *devotio*, после которого он, собственно, переставал быть человеком, так как, посвященный подземным богам, покидал мир людей. Еще одним более важным моментом является то, что именем *augustus* никогда до этого не назывался человек. Октавиан удостоился этого имени первым. И если вспомнить то специфическое значение слова *augustus*, которым его наделяли в эпоху республики, то нет ничего удивительного в том, что обратились к понтификам за разъяснением [15, S. 19–20]. Таким образом, из-за специфики слова *augustus*, помимо постановления сената и, весьма вероятно, решения народного собрания, также состоялось решение коллегии понтификов о даровании Октавиану нового имени. Это говорит о том, что, во-первых, вряд ли это было неожиданное и импульсивное решение сената, скорее, заранее подготовленное предложение сторонников императора, во-вторых, уделялось большое внимание выбору имени, а в-третьих, слово *augustus* рассматривали в его первоначальном значении.

Как мы уже говорили, к концу республики сакральное значение *augustus* постепенно ослабевает. Но в эпоху Августа мы снова сталкиваемся с его первоначальным значением. С большой долей вероятности можно предположить, что инициатором «возрождения» сакрального звучания *augustus* стал сам император. Поводом для такого утверждения становится знакомство с источниками эпохи Августа. Именно от этой эпохи до нас дошли первые попытки объяснения этимологии и семантики *augustus*. С нашей точки зрения, этимологические изыскания Светония и Павла Дьякона восходят к одному источнику, а именно к огромному труду, вольноотпущенника и учителя детей Августа, Марка Веррия Флакка *De verborum significatione*. Само сочинение придворного грамматика до нас не дошло, но сохранилось его сокращение, сделанное Помпеем Фестом (кн. II–нач. III в.), и извлечения Павла Диакона (VIII в.), сделанные, в свою очередь, из эпитомы Феста [об этом см.: 44, с. 722–727]. Вот это место: «Augustus. Locus sanctus ab avium gestu, id est, quia ab avibus significatus est ... sive ab avium gustatu, quia aves pastae id ratum fecerunt». (Augustus. Это — священное место, или от полета птиц, потому что птицами обозначается... или от кормления птиц, потому что птицы кормлением одобряли это) (перевод наш — А. Т.) (Fest. s. v. *augustus*, ed. Lindsay.) Почти дословно с ним совпадает вторая часть сообщения Светония о *augustus*: «quod loca quoque religiosa et in quibus augurato quid consecratur augusta dicantur, ab auctu vel ab avium gestu gustave» (ибо и почитаемые места, где авгуры совершили обряд посвящения, называются *augusta* — то ли от слова *auctus*, то ли от полета или кормления птиц) (перевод Г. А. Гаспарова) (Suet. Div. Aug. 7). Таким образом, свидетельства Павла Дьякона и Светония, несомненно, восходят к Веррию Флакку. Вполне возможно допустить, что у Веррия существовало и указание на происхождение *augustus* от *auctus* (*augeo*). Во-первых, сохранилось свидетельство Светония, во-вторых, по словам самого Феста, цель его труда состояла в том, чтобы из обширного лексикона Веррия сделать, по возможности, самое краткое извлечение, пропустив вышедшие из употребления или устаревшие слова [44, с. 723–724], в-третьих, от эпохи Августа сохранилась традиция, производящая *augustus* от *augeo*. Ее, в частности, упоминает Овидий (Ovid. Fasti, I, 611–612: *huius et augurium dependet origine verbi/et quodcumque sua Iuppiter auget ore* (и авгурий этимологически происходит от этого слова, / и все то, что Юпитер умножает своей силой) (перевод наш — А. Т.). Показательно, что Овидий, как и Светоний, дает два варианта происхождения *augustus*).

Кроме того, уже давно обратило на себя внимание ученых частое и особенное использование Ливием слова *augustus* в первой декаде своего труда, который он начал писать в 27 г. до н. э. (Liv. Praef. 7; I, 7, 8, 29, III, 17, V, 41, VIII, 6, 9). Л. Р. Тейлор полагает, что Ливий сознательно противопоставлял *augustus* и *humanus*, что, очевидно, являлось намеренным комментарием к значению нового имени императора [17, р. 159]. Х. Эркель предлагает другое объяснение: Ливий стремился предотвратить понимание *augustus* в ослабленном значении и, собственно говоря, использовал это слово в его прежнем значении [15, S. 20]. Какой бы ни была истинная причина такого употребления слова *augustus* Ливием, для нас важно то, что здесь достаточно ясно можно увидеть влияние Октавиана на знаменитого римского историка в этом вопросе. Итак, в эпоху Августа восстанавливается прежнее сакральное звучание *augustus*, чему в немалой мере способствовало окружение принцепса.

Таким образом, принятие имени *Augustus* стало заметным событием в становлении идеологии раннего принципата, впервые этот сакральный термин был использован для характеристики человека. В формуле *Imperator Caesar divi filius Augustus*, которая с 27 г. до н. э. становится официальным именем принцепса, *Augustus* играет определяющую роль. Этот эпитет символизирует богоизбранность его обладателя (Ovid. Fasti, I, 607–608, 612) [см.: 45, с. 629], хотя и не так ярко, как прозвище Суллы *Felix* [см.: 46, р. 113], отображает наступление «нового века» [18, с. 383–384]. «Восстановленное» сакральное значение *augustus* указывало на сверхчеловеческую сущность Октавиана, поэтому вряд ли можно согласиться с распространенным мнением, согласно которому Октавиан остановил свой выбор на *Augustus*, так как оно казалось скромнее *Romulus* [20, с. 34] и не имело ничего принципиально нового в сравнении с известными республиканскими прецедентами [21, с. 179].

В заключение следует сказать несколько слов об эволюции семантики *augustus* в эпоху империи. Здесь наблюдаются две тенденции. С одной стороны, *augustus* начинают использовать как эпikleзу для богов, чего не было в эпоху республики. Впервые *augustus* как эпитет божества был использован в 13 г. до н. э. для римской персонификации мира — *Rex Augusta* (RGDA, 12) [ср.: 16, S. 208]. Особенно часто *Augustus* встречается в обозначениях Эскулапа, Аполлона, Геркулеса, Юпитера, Либеры, Марса, Меркурия, Нептуна, Сатурна, Сильвана, реже Дианы, Солнца, Фортуны и др. [19, Sp. 2370; 31, Sp. 1393–1402]. Таким образом, *augustus* получает новое значение «священный» (*sanctus, sacrus*). С другой стороны, тенденция к десакрализации значения *augustus* усиливается. Римские авторы все чаще используют это слово в значении *admirabilis, magnificus* (напр.: Sil. Punica I, 609; Stat. Theb. XII, 281; Stat. Silv. V, 2; Quint. Inst. XI, 1, XII. 10; Tac. Dial. 4, 12; Plin. Epist. II, 11, 10; Plin. Paneg. 60, 92) [ср.: 31, Sp. 1381].

Σεβαστός

Прилагательное *Σεβαστός*, в отличие от *augustus*, имеет ясную этимологию. Это слово происходит от корня *-σεβ-* (> **-σαυ-*) со значением «почитать», «боготворить», «преклоняться», который является весьма продуктивным [4, S. 1031–1032; 25, р. 116–123]. Το *σεβας* (благоговение), η *σεβασις* (поклонение), τό *σεβασμα* (предмет поклонения), η *εὐσεβεια* (благочестие), *εὐσεβής* (благочестивый), η *ἀσεβεια* (нечестие) были очень употребительны в греческом языке. Слова, однокоренные *Σεβαστός*, появляются очень рано. Так, глаголы *σεβω* (поклоняться), *σεβάσσομαι* (почитать богов) встречаются уже в произведениях Гомера (Hom. II. IV, 242: *σεβεσθε*, VI, 167, 417: *σεβάσσοατο*).

На первый взгляд, вопрос о семантике *Σεβαστός* не представляет особых трудностей. Все словари дают его перевод «священный», «почтенный», «достойный поклонения», не забывая при этом указывать, что это слово является греч. эквивалентом лат. *augustus* [см., напр.: 4, S. 1033; 26, р. 1587; 47, ст. 1116; 48, с. 1465]. Современные исследователи, следуя сообщению Диона Кассия (Dio Cass. LIII, 16), подчеркивают, что *сами* греки переводили *augustus* словом *Σεβαστός*. Но здесь мы как раз и встречаемся с первой трудностью. Ведь

Σεβαστός в сохранившихся источниках впервые встречается только в надписи (26/25 гг. до н. э.) (АЕ, 1975, № 799)! На это можно было бы возразить, что источники с Σεβαστός не сохранились. Но широкое использование однокоренных ему слов уже с эпохи Гомера, как указано выше, делает это возражение несостоятельным. С другой стороны, М. А. Леви считает, что использование Σεβαστός после 27 г. до н. э. в некоторых памятниках греческого языка не имеет никакого отношения к императору [27, р. 147–148].

Остановимся на них подробнее. Дионисий Галикарнасский использует прилагательное Σεβαστός в качестве признака τὸ πρῶγμα (вещь, предмет) (Dionys. Hal. II, 75). В связи с этим стоит напомнить об обстоятельствах жизни греческого риторика Дионисия Галикарнасского приехал в Рим ок. 30 г. до н. э., а свой труд «Римские древности» начал писать еще позже [49, с. 156, 166–167]. К этому времени новое слово вполне могло утвердиться среди греческого населения Рима. Вполне возможно, что Дионисий использовал Σεβαστός, обозначавшее особу римского императора, в качестве эпитета, чтобы показать особую святость предмета. Надпись Syll³, № 820 (83/84 г. н. э.), на которую также ссылается итальянский историк, содержит информацию о мистериях в Эфесе, среди которых упоминаются мистерии, посвященные «Δήμητρι Καρποφόρῳ καὶ Θεσμφορῳ καὶ θεοὲς Σεβαστοῦς» (Деметре Плодоносице и Законодательнице и священным богам). По нашему мнению, θεοὶ Σεβαστοῦ = dii Augusti = divi imperatores. Содержание многочисленных посвященных греческих надписей с θεοὶ Σεβαστοῦ ясно указывает на то, что под этим термином понимали умерших римских императоров, которые обожествлялись после смерти (см., напр.: АЕ, 1978, № 810: Θεᾷ Ρώμῃ καὶ θεοὲς Σεβαστοῦς (богине РOME и божественным Августам); OGIS, № 479, 3–5: καὶ θεοὲς Σεβαστοῦς καὶ θεῆς Σεβασταῆς ... καὶ θεᾷ Ρώμῃ καὶ θεῶ Συνακλήτωι καὶ τῷ δήμῳι Ρωμαίων (божественным Августам и Августам... богине РOME, божественному сенату и римскому народу); Kos PH, № 345: ἀρχῆατρον τῶν θεῶν Σεβαστῶν ([статуя] врача божественных Августов); SEG, XLVIII, № 913 билингва: DIVIS DIOCLETIANO ET CONSTANTIO ET GALERIO MAXIMIANO AVGG. Θεοὲς Σεβαστοῦς ... (Божественным Диоклетиану, Констанцию и Галерию Максимиану Августам. (греч.) Божественным Августам...) [ср.: 26, р. 1587]. Это же относится и к надписи IG, VII, № 2233, о которой говорит М. А. Леви. Поэтому не без оснований можно считать, что греч. прилагательное Σεβαστός относилось только к римскому императору. Таким образом, Σεβαστός является неологизмом для эпохи Августа. Еще одним доводом в пользу этого является то, что в греческом языке уже было слово с таким значением — σεβάσιμος. Показательно, что в эпоху империи это слово иногда заменяло Σεβαστός (σεβάσιμος ἀρχή=Augusta dignitas) [25, р. 118].

Вторая трудность заключается в том, что Σεβαστός не является ни дословным, ни точным переводом классического значения augustus «умноженный божеством», «величественный». Сравнение значений однокоренных слов (σεβαί (благоговейный страх, благоговение), σεβάσσομαι (страшиться, бояться), σεβάσιμος (священный)) и синонимов (πότνιος (могущественный, глубокопочитаемый), προσκυνητός (благоговейный), σεπτός (благоговейно чтимый), ἔντιμος (почитаемый), ἅγιος (священный)) разрешают уточнить перевод Σεβαστός как «внушающий благоговение». Свидетельства греческих надписей позволяют говорить о том, что это слово использовалось в греческом мире в первую очередь для характеристики божества или римского императора (то есть человека), что полностью противоречит классическому значению augustus (Carie, II, № 67 — σεβαστός Ἡρακλῆς (Геракл); Kos PH, № 119, Kos EV, № 216, 219 — Σεβαστή Ρέα (Рeя); Kos PH, № 411 — σεβαστή θεὰ Δαμάτηρ (богиня Деметра); Kos EV, № 135 — σεβαστός Ζεὺς Καπιτώλιος (Юпитер Капитолийский); OGIS, № 457 — Ἀπόλλων ἐλευθέριος σεβαστός (Аполлон Освободитель)). По этому поводу М. А. Леви замечает, что εὐσεβής или εὐεργέτης больше бы соответствовали латинскому слову [27, р. 148].

Весьма интересные данные дает сопоставление употребления слов Σεβαστός и Αὔγουστος в грекоязычных источниках. Если в I–II вв. н. э. в трудах античных авторов преобладает слово Σεβαστός (Дионисий Галикарнасский (4/0), Страбон (50/7), Иосиф Флавий (53/3),

Филон Александрийский (22/0), Аппиан (17/1), Плутарх (9/6), Гален (4/2), Арриан (7/0), Лукиан (6/0), Полиэн (14/1), но Павсаний (1/26)), то в III–IV вв. н. э. Αὐγουστος постепенно начинает вытеснять его (Дион Кассий (3/503), Климент Александрийский (1/10), Евсевий (48/54), Иоанн Хризостом (10/24), Иоанн Лидийский (3/62), но Геродиан (18/0)). По нашему мнению, это может свидетельствовать об искусственном характере Σεβαστός. То есть это слово, впервые использованное в греческом языке после 27 г. до н. э., являлось официальным переводом латинского титула римских императоров и неологизмом для греков эпохи императора Августа [35, р. 160]. Вполне естественно, что когномен императоров Αὐγουστος стал постепенно вытеснять нововведенное слово. Павсаний, живший во II в. н. э., отмечал, как будто это было неизвестно: «τὸ δὲ ὄνομα ἦν τοῦτο Αὐγουστος, ὃ κατὰ γλῶσσαν δύνανται τὴν Ἑλλήνων σεβαστός» («ибо имя Август на языке греков значит себастос») (Pausan. III, 11, 4) (перевод наш — А. Т.). К этому следует добавить один интересный момент. В греческих надписях иногда Σεβαστός и Αὐγουστος употребляются совместно как два различных слова. Вряд ли это была тавтология [25, р. 120]. Скорее, это говорит о том, что для греков Σεβαστός звучало больше как официальный титул, было обозначением римского правителя, а Αὐγουστος — неофициальным, именем императора (ср.: TAM, IV, 1, № 25: Ἰουλίαν Αὐγουσταν Σεβαστήν (Юлии Августы Священной), № 27; SEG, XLII, № 1135, XLIV, № 1011A; AE, 1970, № 606, 1976, № 678, 1992, № 1511, 1994, № 1929a, 1998, № 1423). У греческих богов была эпитета σεβαστός, но никогда αὐγουστος.

Итак, по нашему мнению, выбор греческого перевода лат. Augustus был сделан не самими греками, а окружением первого римского императора и вряд ли был случаен. Причины такого перевода не вполне ясны. Видимо, выбор Σεβαστός «внушающий благоговение» был связан с тем, что в восточных грекоязычных областях римского государства правительством Августа сознательно проводилась политика, направленная на сакрализацию личности императора³. Октавиан не стал первым, кто повел себя подобным образом. В истории Рима уже были примеры умышленного неравнозначного перевода латинского термина на греческий язык. После падения Пренесте, последней опоры марианцев, Сулла взял себе когномен Felix (Счастливый). Это прозвище, переведенное на древнегреческий язык, звучало, как Εὐαφροδίτης, хотя точный перевод должен был быть Εὐτυχής (удачливый). Но Сулла предпочитал быть, скорее, любимцем Венеры–Афродиты, чем Тюхе [50, р. 57; 51, р. 138]. Еще один пример. Латинское princeps переводилось на древнегреческий как ἡγεμών. Однако это не был ни дословный, ни единственный перевод [см.: 52, р. 36–37, 44].

Подводя итог, можно сделать некоторые выводы. Исследование значения augustus показало, что это слово было достаточно специфическим термином, относящимся к сфере культа и религии, который характеризовал вещи и понятия, тесно связанные с богами. Однако его семантика изменялась на протяжении различных эпох римской истории. Изучение семантики Σεβαστός позволило заключить, что это слово в эпоху императора Августа являлось неологизмом, который был «изобретен» среди окружения первого императора.

Выбор Октавианом нового имени как латинского, так и его греческого перевода был осознанным и тщательным. Император не считался с тем, будет ли его грецизированное имя точным переводом латинского оригинала. Для него было важно, чтобы augustus и Σεβαστός выражали его особое положение в римском государстве (ведь юридически Октавиан не был монархом!), что особенно характерно для греческого имени, в котором в большей мере была выражена идея единоличной власти императора.

³ Ср. мнение Л. Р. Тейлор: «Для соответствующего греческого названия, которое использовалось в восточной половине империи, слово Σεβαστός было, очевидно, созданным в это время неологизмом от корня «почитать», что более определено, чем его латинский эквивалент, предполагало поклонение его обладателю» [35, р. 160].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Corssen W.* Über Steigerungs- und Vergleichungsendungen im lateinischen und in den italischen Dialekten//Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete des deutschen, griechischen und lateinischen. — 1854. — Jg. 3.
2. *A Latin Dictionary* / Rev., enlarg. by T. Charlton, Ph. D. Lewis, L. D. Charles Short. — Oxf., 1879.
3. *Walde A.* Lateinisches Etymologisches Wörterbuch. — Heidelberg, 1906.
4. *Vaniuek A.* Griechisch-lateinisches etymologisches Wörterbuch. — Leipzig, 1877. — Bd. 2.
5. *Zimmermann A.* Augur//Archiv für lateinische Lexikographie und Grammatik. — 1890. — Jg. 7.
6. *Curtius G.* Grundzüge der griechischen Etymologie. — Leipzig, 1879.
7. *Wissowa G.* Augures//RE. — 1896. — Bd. 2. — 4. Hbbd.
8. *Ernout A.* Augur-Augustus//MSL. — 1921. — Т. 22.
9. *Gagé J.* Romulus-Augustus//MERF. — 1930. — Т. 47.
10. *Scott K.* The identification of Augustus with Romulus-Quirinus//TAPhA. — 1925. — Vol. 56.
11. *Koops M. A.* De Augusto//Mnemosine. — 1937. — Т. 5. — Ser. 3.
12. *Dumezil G.* Remarques sur Augur-Augustus//REL. — 1957. — Т. 35.
13. *Heinze R.* Auctoritas//Hermes. — 1925. — Bd. 60.
14. *Scott K.* Notes on Augustus' Religious Policy//ARW. — 1938. — Bd. 35.
15. *Erkell H.* Augustus, felicitas, fortuna: lateinische Wortstudien. — Göteborg, 1952.
16. *Ehrenberg V.* Monumentum Antiochenum//Klio. — 1924. — Bd. 19. — Н. 2.
17. *Taylor L. R.* Livy and the Name Augustus//CR. — 1918. — Vol. 32.
18. *Машикин Н. А.* Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность — М.; Л., 1949.
19. *Gardthausen V.* Augustus und seine Zeit. — Leipzig, 1896. — Bd. 2.
20. *Чернышов Ю. Г.* Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в древнем Риме. — Новосибирск, 1994. — Ч. 2.
21. *Межеруцкий Я. Ю.* «Республиканская монархия»: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. — М.; Калуга, 1994.
22. *Haverfield F.* The Name Augustus//JRS. — 1915. — Vol. 5.
23. *Gatti C.* Augusto e le individualità divine//PP. — 1949. — Т. 4.
24. *Neumann K. J.* Augustus//RE. — 1896. — Bd. 2. — 4. Hbbd.
25. *Tesaurus graecae linguae.* — Parisiis, 1863. — Vol. 7.
26. *Liddell H. G., Scott R.* A Greek-English Lexicon / Rev., augment. by H.S. Jones, R. McKenzie. — Oxf., 1940.
27. *Levi M. A.* Augusto e alcuni problemi di deontologia storiografica//PP. — 1985. — Т. 221.
28. *Дворецкий И. X.* Латинско-русский словарь. — 6-е изд. — М., 2000.
29. *Fowler W. W.* Aeneas at the Site of Rome. — Oxf., 1917.
30. *Whatmough J.* [Рецензия]//CPh. — 1948. — Vol. 43. — № 3. Рец. на кн.: Ernout A. Philologica. Études et commentaires. — P.: C. Klincksieck, 1946. — 232 p.
31. *Tesaurus linguae latinae.* — Lipsiae, 1963. — Vol. 2.
32. *P. Vergilii Maronis opera.* The Works of Virgil, with a Commentary by J. M. A. Conington and H. M. A. Nettleship. — L., 1876. — Vol. 2.
33. *Wagner E. P.* Vergilii Maroni opera omnia. — Lipsiae, 1833. — Vol. 3.
34. *Koch C.* Gottheit und Mensch im Wandel der römischen Staatsform. Das neue Bild der Antike. — München, 1942. — Bd. 2.
35. *Taylor L. R.* The Divinity of Roman Emperor. — N.-Y., 1979.
36. *Platner S. B.* A Topographical Dictionary of Ancient Rome. — L., 1929.
37. *Абрамзон М. Г.* Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской Империи. — М., 1995.

38. *Babelon E.* Description historique et chronologique des monnaies de la République Romaine vulgairement appelées monnaies consulaires. — P., 1888. — Т. 2.
39. *Grueber H.A.* Coins of the Roman Republic in the British Museum. — Oxf., 1970. — Vol. 2.
40. *Mattingly H.* Coins of the Roman Empire in the British Museum. Catalogue. — L., 1965. — Vol. 1.
41. *Штаерман Е. М.* Социальные основы религии Древнего Рима. — М., 1987.
42. *Syme R.* The Roman Revolution. — Oxf., 1939.
43. *Porte D.* Romulus-Quirinus, prince et dieu, dieu des princes. Étude sur le personnage de Quirinus et sur son évolution, des origines à Auguste//ANRW II. — 1981. — Bd. 17.1.
44. *Нагуевский Д.* История римской литературы. — Казань, 1915. — Т. 2.
45. *Кнабе Г. С.* Рим Тита Ливия — образ, миф, история//Тит Ливий. История от основания города. — М., 1993. — Т. 3.
46. *Carcopino J.* Sylla ou la monarchie manquée. — P., 1947.
47. *Вейсман А. Д.* Греческо-русский словарь. — СПб., 1882.
48. *Дворецкий И. Х.* Древнегреческо-русский словарь. — М., 1958. — Т. 2.
49. *История греческой литературы*/Под ред. С. И. Соболевского, М. Е. Грабарь-Пасек, Ф. А. Петровского. — М., 1960. — Т. 3.
50. *Jaczynowska M.* Les origines républicaines du culte impérial//ACD. — 1986. — Т. 22.
51. *Le Gall J.* La religion romaine de l'époque de Caton l'Ancien au règne de l'empereur Commode. — P., 1975.
52. *Béranger J.* Recherches sur l'aspect ideologique du principat. — Basel, 1953.

Summary

A. Tokarev. *Augustus and Σεβαστός: About Semantics of Terms*

In the article is examined the comparative characteristic of semantic meanings of *augustus* and Σεβαστός. In author's opinion, there was evolution of meanings of word *augustus*, the specific term concerning sphere of religion. During the King's epoch and the epoch of Republic meaning of this word was «glorified a deity», «majestic». However at the end of Republic *augustus* started to lose the sacral sense. Octavian, having accepted cognomen *Augustus*, has made an attempt to return original sense to this word. During the Augustan epoch poets and writers used *augustus* in his original meaning. However in the time of empire the tendency of easing of sacral meaning of *augustus* amplify to *admirabilis* and *magnificus*. At the same time there is a new tendency. *Augustus* becomes with time a epiklesis for gods. That is, on the one hand, this word means «surprising», «delightful», on the another — «sacred».

Comparison of the use of words Σεβαστός and Αύγουστος in the Greek sources and the fact of appearance of an adjective σεβαστός for the first time in the Greek language only after 27 BC show that Σεβαστός was official translation of a Latin name of the Roman emperors. It is evidence of a choice of *Augustus*' Greek translation has been made with Latin analogue simultaneously, among an environment of the first Roman emperor and hardly was casual. The reason of a choice of such translation, probably, have been connected with the fact that in the Eastern Greek-speaking areas of the Roman Empire the government of August carried out a politics on sacralisation of emperor's person meaningly.

